

К вопросу о порядке разработки и содержании стратегии экономического развития Красноярского края
(Как я вижу место и роль данной стратегии).

1. Следует разделить вопросы разработки стратегий субъектов Федерации вообще, как государственного документа, и конкретной стратегии Красноярского края, разработанного с участием СФУ (Красноярск) и ИЭОПП СО РАН в достаточно короткий период, естественно под воздействием конкретных задач, выдвигаемых Администрацией края, что предопределяет и **формат** этого документа. Безусловно надо согласиться с теми замечаниями, высказанными в ходе обсуждения, что «необходимо включить Стратегию в систему документов государственного планирования и прогнозирования социально-экономического развития...», причем не только края, но и любого другого субъекта Федерации. Сегодня в Правительстве РФ постепенно (хотя и очень медленно) эта проблема находит понимание. Возможно, в рамках полномочий Законодательных собраний отдельных субъектов можно принять такой закон и на местном уровне. Сразу стоит отметить, что многие ключевые инфраструктурные проекты будут выходить за рамки отдельных регионов и по масштабам, и по объемам финансирования. Поэтому какой-то выход на федеральный уровень должен быть. Относительно юридических последствий (и наоборот, предпосылок) стоит заметить, что поскольку многие (если не большинство) проектов реального сектора экономики финансируются частным капиталом, то законодательно обязать их выполнять свои обещания будет крайне сложно. А именно эти проекты и формируют ту структуру хозяйства будущего, которая в советское время называлась «комплексом», т.е. все части были взаимосвязаны и согласованы. Сейчас любая стратегия должна быть «вариативной», что трудно будет вписать в рамки какого-либо Закона. Формат требуемый министерством экономики края для стратегии был очень жестким: ничего лишнего, никаких рассуждений на тему «что могло бы быть». Вероятно, эти же требования были и со стороны Федеральных министерств.
2. Преобладание в стратегии объектов частного капитала предопределило и специфику сбора информации по этим объектам. Давали только то, что они считали нужным, а не то, что нам бы хотелось видеть. В частности – их бизнес-планы с выделением отчислений в бюджеты разных уровней, планируемую величину заработной платы и т.п. Эти данные могли быть только ориентировочными, что для формата Стратегии не подходит: там требовались только подтвержденные данные. Поэтому финансовый баланс в рамках Стратегии построить практически невозможно. Более того, как показывает

опыт реализации многих крупных проектов в том же крае, планы реальных собственников «заводов, газет, пароходов» могут меняться очень быстро и население (даже Законодательные Собрания) могут узнать об этом только как совершившийся факт. Конечно, это плохо, но пока такое состояние дел во всей экономики и жизни Российского общества.

3. Положение о территориальном плане (или районной планировке) было обязательным документом в советское время. Сейчас разработка такого материала крайне затруднена по описанным выше причинам: нет никакой уверенности в том, что через 3-4 года те объекты, которые прописаны в стратегии останутся на территории и будут работать в составе единого комплекса. Отсутствие какого-либо хозяйственного и социального элемента может нарушить весь ход реализации стратегии, что сделает районную планировку документом «необязательным». Принимать ее и утверждать на любом законодательном уровне будет крайне сложно ввиду необязательности ее выполнения. Действительно, управлять этим процессом край не в силах – нет соответствующих ресурсов, ни финансовых, ни законодательных. Сомнительно, чтобы компании, тем более крупные (РУСАЛ, РУСГИДРО и т.п.) согласились бы на какое-либо изменение законодательства в сторону, ущемляющее их свободу.
4. К вопросу о приоритете цели благосостояния населения края. Однако, это в большой степени зависит от развития производства. Все эти правильные слова есть и в данном документе. Другое дело, что достижение этих целей не подкреплено строгими расчетами финансовой составляющей. В работах начала 90-х годов по программе Нижнего Приангарья были предложения по составлению финансовых балансов и края, и населения, и жилищно-коммунальной сферы, согласованные с возможностями реального сектора экономики платить и налоги, и соответствующую зарплату. Сегодня это вряд ли возможно в силу вышеописанных причин функционирования частного сектора в тех отраслях, которые могли бы дать существенную прибавку к доходам населения края. То, что в стратегии одной из проблем названа деиндустриализация края, на мой взгляд, правильно. Есть ли в крае какие-то средства (ресурсы) для изменения этой ситуации? Что нужно сделать по привлечению производств? Я не могу согласиться с теми положениями Стратегии, где явно видны призывы к повышению региональной конкурентоспособности. За счет чего? Снижение налогов, льготного экологического законодательства, предоставления социальной инфраструктуры? Да, так можно конкурировать с соседями (Кемеровской и Иркутской областями), но в выигрыше опять будут компании, которые используют эту региональную конкуренцию себе на

пользу. Гораздо лучше выступать совместно, с «опережающими инициативами», с единой стратегией ресурсодобывчных регионов. А глубокую переработку предлагать там, где это выгодно для всей сибирской (и Российской) экономики. Но такие стратегии пока, к сожалению, не разрабатываются. Тем более в них не заинтересованы региональные власти, которые (могу только предполагать) имеют определенный интерес и в крупном бизнесе. Последний, конечно, заинтересован больше в вахтовиках, чем в занятом местном населении, поэтому расчет показателей доходов населения и соответствующих налогов конечно требует корректировки. Но дадут ли такую информацию компании?

5. Возврат эффектов от разработки ресурсов регионов (или они все же федеральные, но на территории региона?), на мой взгляд, является обязательным. Другое дело – в каких пропорциях?. И возврат в регион - субъект Федерации или в район, или в муниципалитет, или в Федеральный округ? А вот полная компенсация за нарушенную природную среду и/или за изъятие земель и лесов – должна быть непосредственно в то место, где это изъятие произошло. Однако количественно определить эту компенсацию пока никто не умеет, тем более, нет установленных нормативов.
6. Уверен, что край мог бы выполнять функции «межрегионального производственно-транспортного интегратора». Во всех концепциях прошлых лет именно такая функция отводилась ТПК Красноярского края. Тем более – транспортная. В Сибири нет другого такого региона, через который проходят все широтные существующие и будущие транспортные магистрали: СМП, Транссиб, Южсиб, будущий Севсиб и, позже, Полярная магистраль. Система Енисей – СМП связывает их всех в меридиональном направлении. Авиационные маршруты также самым непосредственным образом проходят над территорией края. Это не только транзитные функции, но здесь и зарождаются многие млн. тонн разных грузов: уголь, руды, лес и пр. Другое дело, что наличие многих собственников в едином транспортном комплексе России делает крайне сложной задачей организации такого интегратора. Но здесь мы опять возвращаемся к проблеме определения роли государства в экономике страны.
7. Об инновационном секторе экономики сейчас не говорит только ленивый, хотя это только определенные «заклятия» и обязательные пункты в любой стратегии и любом выступлении на тему экономики. Уверен, что на Ванкоре применены самые инновационные технологии, скорее всего – иностранного происхождения. Возможно, на Богучанском ЛПК также будет установлено современное финское (или шведское, или германское) оборудование, что условно можно считать

инновациями для края. Но основные проценты роста ВВП дают все-таки ресурсные объекты, а доля машиностроительного комплекса – основы для отечественной инновационной системы продолжает снижаться. Это мы видели на примере заводов в Минусинске, Абакане, Сосновоборске. Вероятно аналогичная участь и комбайновых заводов Красноярска и Назарова. Ссылки на Железногорск и внедрение разработок ОАО ИСС им. Ак. М.Ф. Решетнева только подтверждают единичность таких нововведений. Но такой пункт *обязан* быть в Стратегии регионов и он появился.

8. К вопросу о реалистичности. Очень показателен пример с принятием программы по Нижнему Приангарью в 2005 г. При большом стечении народа и прессы губернатор и хозяин РУСАЛа под звон бокалов подписали соглашение, что в 2009 г. будет первый алюминий на БОАЗе. Уверен, что они уже тогда прекрасно знали, что этого не будет, но специфический жанр программы, которая претендовала на деньги только что созданного Инвестфонда заставлял искать любые частные инвестиции для выполнения «святого» соотношения 4 к 1, где для бюджета отводилась только пятая часть инвестиций. Показательно и то, что районная планировка института Урбанистики (Санкт-Петербург), по Богучанскому промузлу рекомендовала т.н. «расселенческий приоритет». Суть его в том, что население и весь соцкультбыт промузла предлагалось разместить в самих Богучанах, а на объекты возить скоростными электричками (али автобусами), но не строить мелкие поселки непосредственно у заводов. Сейчас, если не ошибаюсь, РУСАЛ (акционером которого является и банкирский дом Ротшильдов?), как транснациональная компания выбил у края себе льготные условия именно для скорейшего строительства маленького поселка («промышленный приоритет») только под свой завод в Таежном. Понятно, что говорить о современной инфраструктуре для людей здесь не приходится. Да и сам поселок, возможно, будет скорее вахтовым – это минимизирует издержки на труд.
9. В качестве некоторого заключения хотелось бы сказать следующее. Стратегии в том, советском смысле-сбалансированной по ресурсам и интересам, нацеленной на достижение долгосрочных интересов (что лежало в основе и нашего научного понимания «Стратегии») сейчас делать некому и, может быть главное – некогда. Представляется, что региональные стратегии нужны в большей степени для своеобразного «отчета» перед Правительством для обозначения себя как «не потерявшего доверия» и, соответственно, имеющего право на требования каких-то федеральных денег для своих региональных проектов. Региональные стратегии должны

оперативно реагировать на все сдвиги в верхних эшелонах власти в понимании места и роли данного региона. Сказано – внимание на север и Арктику – сразу требуется добавить что-то из этой сферы. Сказано – обеспечить соотношение частных и бюджетных денег 5/1 – значит надо найти какой-то частный объект, который притянуть в стратегию. Например, каким образом в новый Ангаро-Енисейский кластер (как западное крыло Нижнего Приангарья) попал Саянский район? Просто там Норникель наметил крупные вложения в медно-никелевое месторождение и эта доля существенна для выполнения заданного «сверху» соотношения. А вот проект Северосибирской железной дороги вряд ли будет включен, т.к. он требует «долгих», скорее всего бюджетных денег и не гарантирует быструю окупаемость, хотя и является важнейшим, действительно стратегическим инфраструктурным объектом для всей Сибири и России в целом.

Данная Стратегия отвечает требованиям сегодняшней власти, имеет определенную сферу применения. Вряд ли от нее можно требовать больше. Программу Нижнего Приангарья (Б.Столярова) мы критиковали на всех этапах именно за ее несбалансированность и иногда просто глупость, но она выполнила свою роль – обеспечила поступление денег Инвестфонда и было продолжено строительство БОГЭС, дорог и моста через Ангару. «Шерсти клок» был получен. Вариант стратегии Нижнего Приангарья от ИЭОП СО РАН вряд ли бы нашел понимания у тех, кто распоряжался средствами Инвестфонда.

В наших материалах, опубликованных с нескольких монографиях, приведены более пространные рассуждения на эти темы и опасения, что согласно законам рынка ТНК будут стремиться выводить прибыль туда, где вложения дадут максимальный эффект. В отношении объектов глубокой переработки ресурсов Сибири таким местом скорее всего может оказаться Китай. Поэтому противоречия ТНК и РФ в отношении будущего экономики (и населения) Сибири будут только нарастать. Свою задачу (научную) мы видим в том, чтобы выявить эти закономерности и показать их на цифрах.

Д.э.н. Малов В.Ю.